

Мировой порядок. Камо грядеши?

Почетный профессор МГИМО В.М. Кулагин – о мировых порядках в прошлом и перспективах нового миропорядка.

Как было принято пафосно выражаться еще относительно недавно, избрание Дональда Трампа может иметь «всемирно-историческое» значение, хотя, как представляется, он не входит в разряд великих мыслителей или государственных деятелей, которые меняли ход истории. Франк-Вальтер Штайнмайер недавно констатировал: «С избранием Дональда Трампа старый мир XX века, наконец, остался в прошлом. Какие представления относительно мирового порядка утвердятся в XXI веке, как мир будет выглядеть завтра – не определено. Этот вопрос остается открытым». Ангела Меркель разделила это мнение: «Я думаю, что через четверть века после объединения Германии, окончания холодной войны, новую историческую эру сменит другая». В одном из последних интервью Генри Киссинджер высказал мнение: «мы балансируем на пороге нового мирового порядка». Самый свежий номер весьма солидного журнала «Форин Аффэрс» посвящен этому же вопросу, который сформулирован следующим образом «Без порядка? Будущее международной системы». Одни приветствуют такое изменение, другие – относятся скептически или готовятся к тяжелым, если не катастрофическим временам.

Предыдущие порядки и беспорядки.

В самом общем виде мировой порядок – это распределение силы и власти между политическими действующими лицами на глобальной арене. Часто специалисты расшифровывают это понятие как системную совокупность действующих экономических, социальных, политических, военных и многих других отношений, идеологических установок, регулирующих их норм и институтов, которые строятся на принципах, определяющих их движущие силы, закономерности и перспективы развития на протяжении относительно длительного исторического периода. Системный характер имеют и войны, или процессы скатывания к ним. Но «мировым порядком» принято считать такие системы международного взаимодействия, которые построены на принципах компромиссных, часто взаимовыгодных отношений, разделяемых большей частью их участников.

Почти 400 лет назад в Европе был достигнут широкий консенсус относительно того, что государства должны обладать суверенитетом - самостоятельно определять свое внутреннее устройство и политику. Из этого

также вытекало, что именно государства должны являться главными действующими лицами отношений с другими государствами. Позже эти принципы Вестфальской системы распространились за пределы Европы и на протяжении всего периода с той поры они остаются основным «строительным материалом» всех последующих систем международного взаимодействия. Сегодня в основном в результате глобализации сформировался новый пласт неправительственных действующих лиц мирового взаимодействия. Их поведение часто автономно от государств, но, в конечном счете, они предпочитают или вынуждены функционировать в общих рамках, определяемых государствами.

Историки в основном сходятся в том, что система мирового взаимодействия пережила несколько этапов – несколько крушений и созданий мировых порядков. Глубинными причинами таких перемен были изменения соотношения сил между крупнейшими государствами, которые стремились реализовать достигнутый перевес за счет других государств, часто на путях войны. Нередко такие изменения накапливались в результате технологических прорывов, например, индустриальной, ракетно-ядерной, цифровой революций.

Первая попытка упорядочения европейских отношений после Вестфалия была предпринята после разрушительных для всего континента наполеоновских войн на путях создания «Европейского концерта» или Венской системы. Путем сложных взаимных компромиссов дипломатам удалось очертить такую конфигурацию баланса сил между европейскими государствами и их союзами, которая должна была снизить вероятность войн. Грубо говоря, большинство участников концерта намеревались в международных отношениях следовать житейскому принципу «живи сам и дай жить другим». Арбитрами и гарантами поддержания такого баланса были призваны стать «великие державы» - Австрия, Великобритания, Пруссия, Россия, Франция. В случае угрозы крупных войн возможные пути ее предотвращения должны были обсуждаться на международных конгрессах. Но, несмотря на то, что «Европейский концерт» внес почти полувековую стабильность, он не смог исключить глубинную конфликтность отношений. Во-первых, все ведущие европейские игроки все же руководствовались стремлением продвигать собственные интересы по принципу «моя страна прежде всего». Кроме того, неизбежно изменялся баланс сил между великими державами. Происходило быстрое наращивание потенциала Германии. И, наконец, как раз на этот период приходится начало борьбы за колонии, а затем и за их передел, что не учитывалось правилами «Европейского концерта». Первыми сигналами развала порядка «Европейского концерта» явилась Крымская, а затем и

франко-прусская войны, которые, в конечном счете, привели к «Великой войне».

Беспрецедентные жертвы и разрушения первой мировой войны сформировали у элит и населения большинства стран твердое намерение создать теперь уже мировой порядок, который бы исключил повторение подобного безумия. Осью такого мирового порядка была призвана стать Лига Наций, а качественным отличием от «Европейского концерта» - замена прежнего принципа международной безопасности «каждый за себя» на обязательство «один за всех, все за одного».

По многим причинам эта модель единого мирового порядка себя не оправдала. В Германии развивались, как сказали бы сейчас, «правые популистские настроения» за ревизию условий Версальского мирного договора и возвращение величия страны. Главным целеполаганием российской политики стала не забота о глобальной безопасности, а продвижение мировой революции, и затем стремление к наращиванию геополитического влияния Советского Союза. Соединенные Штаты, президент которых Вудро Вильсон был одним из главных вдохновителей Лиги Наций, резко повернули к изоляционизму, провозгласив лозунг «Америка прежде всего!». Лидерам Европы, в первую очередь Великобритании и Франции не хватило решимости мобилизовать других членов Лиги на силовой отпор первым нарушителям ее Хартии, например, Италии за агрессию против Эфиопии. Но самый мощный удар по порядку Лиги Наций нанес мировой экономический кризис. В этой системе не были предусмотрены механизмы стабилизации мировой экономики. На Лондонской экономической конференции 1934 г. не удалось даже приблизиться к формированию общих подходов к преодолению экономического кризиса мирового масштаба. Президент Рузвельт заявил, что США, не будут участвовать в этом. Конференция была распущена, большинство экономик принялось поднимать тарифные барьеры, подтвердив, что древний принцип «каждый за себя» в кризисных ситуациях более привлекателен, чем новомодный лозунг «один за всех, все за одного». Мир продолжил еще более стремительное скатывание ко второй мировой войне. Мировой порядок рухнул.

В конце Второй мировой войны надежды возлагались на создание более совершенной системы по сравнению с моделью международных отношений между двумя мировыми войнами. Такие попытки предпринимались на Тегеранской, Ялтинской, Потсдамской конференциях. Но по существу они свелись к закреплению территориальных призов победителей за счет побежденных. В Ялте была торжественно принята «Декларация освобожденной Европы», предусматривающая создание в европейских

странах «демократических институтов по их собственному выбору» и обязательство стран-победительниц «как можно раньше установить путем свободных выборов правительства ответственные воле народа». Но с самого момента ее подписания выявились принципиальные противоречия между СССР и странами Запада относительно понятий «демократия» и «свободные выборы». Вскоре, воспользовавшись нахождением своих войск, Сталин создал в странах Восточной Европы режимы «народной демократии». В свою очередь, США осуществили нажим на Грецию, Францию и Италию для недопущения коммунистов в послевоенные правительства. Таким образом, Ялтинско-Потсдамской системе установления нового универсального мирового порядка не суждено было сбыться. Единственным институтом его стала Организация Объединенных Наций, которая в годы холодной войны была в значительной мере обречена на бездействие. Мир в основном разделился на две части.

Именно этот момент явился развилкой в строительстве двух во многом диаметрально противоположных систем международного взаимодействия. Одной, коммунистической, исповедующей принципы государственной собственности, центрального планирования, однопартийной системы, идеологии марксизма. Другой – либеральной, построенной на принципах частной собственности, рыночной экономики, многопартийности, идеологии буржуазной демократии. Взаимоотношение этих проектов характеризовалось враждебностью, военно-политическим противостоянием, гонкой вооружений. Прямого военного столкновения и новой мировой войны удалось избежать главным образом потому, что ракетно-ядерное оружие неминуемо привело бы обе стороны к взаимному уничтожению. В конце двадцатого века окончанием холодной войны «коммунистический» проект потерпел поражение, а его участники полностью или частично приняли правила игры либерального порядка. Значительная часть принципов и институтов мирового взаимодействия, работавших на Западе, распространилась на большую часть мира. Новая система сегодня известна как «Либеральный мировой порядок».

Несущими конструкциями этого порядка в экономической области являются Бреттон-Вудские институты – Международный валютный фонд, Мировой банк, Генеральное соглашение по торговле и тарифам (с 1995 г. Всемирная торговая организация), «Двадцатка». В военно-политической области – это НАТО, соглашения о безопасности между США и другими их союзниками, а также ряд крупнейших национальных военных потенциалов (например, России, Китая). В политической области, при всех известных ограничениях, возрастает роль ООН и особенно ее специализированных организаций. На всем протяжении формирования этого порядка гегемоном или лидером

являлись Соединенные Штаты при всех тяготах и выгодах такого статуса. Одной из главных идеологических целей, прежде всего США, являлось расширение поля буржуазно-демократических свобод.

Сегодняшний кризис мирового порядка созрел в основном в результате ощущения чрезмерности бремени американского лидерства, постепенного изменения соотношения сил между развитым и развивающимся мирами, частичного отката процесса мировой демократизации, понимания необходимости нахождения новой модели более конструктивного взаимодействия с нелиберальными, но нередко экономически эффективными режимами, например, Китаем, Вьетнамом, а также выправления баланса между глобальным «безродным» космополитизмом и возродившейся тягой к локальным культурно-цивилизационным корням. Но сегодня в фокусе нынешней сшибки в ходе формирования будущего мирового порядка оказались проблемы глобализации и расцвет популизма, как следствия серьезных социальных и мировоззренческих изменений, прежде всего в США и Европе.

Проблемы глобализации

Очевидным фактом является то, что с последней четверти прошлого века глобализация явилась ведущей тенденцией мирового в первую очередь экономического взаимодействия, которая в связке с последним этапом научно-технической революции принесла большинству человечества существенное повышение его благосостояния. На начальном этапе в первую очередь экономически развитым странам и транснациональным корпорациям западного происхождения. С некоторым лагом к глобализации начали подключаться и развивающиеся страны, которые принимали стратегические решения отказаться от высоких таможенных барьеров в пользу большей открытости. В настоящее время членами ВТО является более 160 стран, а ее согласованные правила выполнения арбитражных решений по возникающим спорам охватывают более 95 процентов глобальных торговых потоков.

Финансовый кризис 2008 г. и последовавшая за ним глобальная экономическая рецессия привели к спаду мировой торговли и обострению противоречий между членами ВТО. В США и ряде других западных стран новую актуальность получили старые опасения, согласно которым экономическая глобализация более выгодна развивающимся странам. В фокусе такого беспокойства оказался Китай, который во многом благодаря активному подключению к процессу экономической глобализации смог беспрецедентными темпами нарастить и модернизировать свой промышленный потенциал, а по объему ВВП приближался к Соединенным

Штатам. Алармисты считали, что в недалеком будущем Китая появятся ресурсы для борьбы за лидерство в АТР, а затем и в глобальном масштабе, в том числе и в военно-политической области. Они призывали более жестко реагировать на случаи недобросовестного манипулирования Пекином курсом своей валюты, несоблюдения прав интеллектуальной собственности, государственной поддержки своих частных предприятий, нарушения правил определения места производства товаров, что позволяло почти беспощинно экспортировать свои товары в США через третьи страны, или через американских членов транснациональных корпораций. Все чаще стали звучать призывы к более решительному экономическому и военно-политическому сдерживанию Китая.

Весьма убедительно звучали и доводы другой стороны. Китай догоняет США «по валу», но по технологическому наполнению китайский ВВП еще далеко отстает от американского. Китаю надо кормить в четыре раза больше «ртов» своего населения, чем Америке. После открытия экономики и принятия правил ВТО Пекин «грешит» относительно «по мелочам», нередко идя, в конечном счете, навстречу претензиям тех же Соединенных Штатов, например, по вопросам манипулирования курсом юаня и соглашается выполнять решения третейских арбитражных судов ВТО в других конфликтных ситуациях. Пекин сыграл конструктивную роль в коллективных усилиях «Большой двадцатки» по урегулированию финансового ипотечного кризиса, в разрешении противостояния по ядерной проблеме Ирана. Военные расходы росли, ноне носили характера инициирования гонки вооружений с китайской стороны. В целом, считали сторонники «умеренных», политика «вовлечения» Китая в процесс глобализации оказалась довольно успешной. Стратегия «мирного возвышения» получила солидный экономический базис, рисковать которым у Пекина нет прагматических оснований. Китай стремился не подорвать установившийся мировой порядок, а постепенно усиливать свое влияние в его институтах. Беспокоящим фактором является конфликт из-за спорных островов в Южно-Китайском море. Не исключена вероятность попытки решения проблемы Тайваня силовым путем. В более отдаленной перспективе нельзя полностью исключать вероятность перехода к стратегии «немирного возвышения» в случае радикальных внутривнутриполитических изменений или угрожающего обострения ситуации в регионе. В основе такой неопределенности лежит авторитарная форма внутривнутриполитического устройства. Но попытки демократизировать Китай с помощью усиления его «сдерживания» не обязательно дадут лучшие результаты, чем сочетание его с политикой «вовлечения» в капиталистическую по содержанию глобализацию.

Администрация Обамы взяла курс на предупреждение таких эвентуальностей по двум направлениям. В плане военно-политической безопасности готовились планы усиления американского присутствия в АТР, которым по разным причинам не суждено было сбыться. Одни считали, что им препятствовали сохраняющиеся или возрастающие угрозы на Ближнем и Среднем Востоке и на европейском направлении. Другие полагали, что такая массивная военная переориентация не соответствует степени возрастания потенциальных угроз со стороны Китая и может спровоцировать Пекин на ответную агрессивность. В экономической области был разработан проект Транстихоокеанского торгового партнерства, предусматривающий более существенное по сравнению с действующими в системе ВТО снижение тарифов, а также выполнение странами-участницами взаимных обязательств по таким вопросам как отказ от манипулирования валютами, определение места производства товаров и ряду других проблем, по которым не удавалось договориться в общемировом масштабе в ходе Дохийского раунда ВТО. Членами ТТП согласились стать 12 стран региона. КНР не была приглашена в проект. Сотрудничество с ней планировалось продолжать на нынешнем уровне правил ВТО и одновременно демонстрировать, что выполнение правил ТТП Пекином может открыть для него двери в это партнерство. По планам ТТП должно было стать еще одной зоной свободной торговли, наподобие НАФТА или Европейского общего рынка, участники которых упразднили или радикально снизили тарифы в этих зонах, что не ограничило торговые потоки с экономиками, не входящими в них. Одновременно Вашингтон инициировал начало переговоров по соглашению о Транс-Атлантическом торговом и инвестиционном партнерстве между США и Евросоюзом. Одним словом, подавляющее большинство экономик мира в целом было согласно с намерениями США придать новый импульс экономической глобализации. Тем более что последние статистические данные указывали на то, что в ведущих экономиках начался некоторый рост показателей деловой активности, снижение уровня безработицы. Хотя эти показатели и не были столь впечатляющими, как до кризиса 2008г., но они указывали на то, что в мировой экономике наметилась довольно устойчивая, хотя и неравномерная тенденция к преодолению его последствий.

Победа Д. Трампа и философия его администрации поставили под вопрос ряд основополагающих принципов сложившегося на этот момент мирового порядка. Сам лозунг «Америка прежде всего!» свидетельствует об отходе от принципа коллективистского (при лидерстве США) регулирования мирового взаимодействия в пользу перенесения акцента на преимущественно односторонние действия, усиление протекционизма и принципов баланса сил по рецептам школы «реалполитики». Немедленные практические шаги свидетельствовали о том, что главный удар на первом этапе планируется

нанести по «издержкам глобализации». Отмена американского участия в ТТП, заявление о начале пересмотра договора НАФТА, намерения отменить закон Додда-Франка, ограничивающий авантюристичность банков, приведших к ипотечному кризису 2008 г., «внеэкономическое» давление на американские ТНК с угрожающими предложениями переносить их производства из-за рубежа в США, оценки Брекзита как «прекрасного шага» - все это свидетельствовало о стремлении Д. Трампа перевести предвыборную риторику в практические действия.

Но при этом остаются непроработанными некоторые весьма важные более долгосрочные последствия такого резкого поворота. Во-первых, глобализация приносила и продолжает приносить довольно ощутимые выгоды американской экономике в целом – в частности, той части крупного бизнеса, которая инвестировала значительные средства в транснациональные корпорации, а также национальным высокотехнологичным отраслям, обеспечивающим стране основные экспортные поступления, и занятым в них рабочим и служащим. Трудно себе представить, каким образом развивающиеся страны могут волевым путем повысить заработную плату своих рабочих до уровней оплаты труда рабочих в развитых странах, занятых на производстве аналогичных товаров, обеспечив таким образом «справедливую» конкуренцию между ними. За последнее время доля стоимости труда в себестоимости конкурирующих на мировом рынке товаров и услуг из развивающихся стран возрастает, но достижение паритета дело довольно отдаленного будущего.

Скорее всего «удар по тормозам» процесса американского участия в глобализации может принести экономике США краткосрочные позитивные результаты за счет возвращения в страну части капитала транснациональных компаний, вероятного повышения ввозных пошлин из ряда стран, например, Мексики, развития «специальных отношений» с Великобританией, заявленных Японией планов крупных инвестиций в американскую экономику в обмен на сохранение гарантий военно-политической безопасности, наконец, обещанной новой администрацией налоговой реформы. Но трудно предположить, что крупный американский капитал вовсе откажется от участия в ТНК, другие страны не попытаются восполнить потерю части американского рынка за счет интенсификации взаимодействия с другими экономиками. Импортозамещение может привести к повышению цен на замещаемые товары для всех категорий американских потребителей. Что касается более длительных перспектив, то они еще менее определены.

Можно предположить, что, пережив определенные шоки, процесс глобализации будет искать новые организационные формы, а затем и пути дальнейшего развития. Соединенным Штатам потребуется значительное

время и «сила убеждения» для того, чтобы заменить действующие сегодня универсально правила и процедуры ВТО на двусторонние более выгодные для себя торговые договоры, если с ними согласятся их основные партнеры. Но на сегодняшний день ни одно крупное в экономическом отношении государство такой готовности не высказало. В лучшем случае они предпочитают фигуру умолчания. Например, Лондон возлагает определенные надежды на наращивание экспорта в Соединенные Штаты, но вряд ли рассчитывает только за счет этого выровнять торговый дефицит, образующийся в результате Брекзита. (Британский экспорт в страны ЕС составлял 44 процента всего экспорта страны). Кроме американского Великобритании необходимы другие емкие рынки, в том числе и часть европейских. Мексиканцы понимают, что Соединенные Штаты могут поднять пошлины на их ввозимые товары. Но они рассчитывают, что смогут частично компенсировать это за счет повышения цен на часть из таких товаров. Канадцы опасаются повышения пошлин на древесину. Но также понимают, что американская сторона заинтересована в строительстве нефтепровода «Кистоун» из Альберты на юг США. Кроме довольно туго сплетенного глобализацией клубка взаимозависимостей Вашингтон должен быть готовым к длительным переговорам и сложным юридическим процедурам, например, при заявленном реформировании НАФТА. Кроме того, ни одна из крупных экономик не готова терять китайский рынок.

На ноябрьском саммите АТЭС в Перу, а затем и в Давосе китайский лидер Си Цзиньпин выступил как твердый сторонник свободной торговли. Отказ Соединенных Штатов от участия в Транстихоокеанском партнерстве, по мнению ряда наблюдателей, объективно открыл Китаю возможности для продвижения к экономическому лидерству в Азии, а возможно и в других регионах. В результате мирового кризиса темпы экономического роста Китая снизились. Частично это объясняется и перенесением акцента с задач промышленного развития на модель преимущественного развития услуг и внутреннего потребления. Но при этом в 2016 г. темпы роста составили около 7 процентов, т.е., вдвое выше мировых и втрое выше промышленно развитых стран. Таким образом, Китай сохраняет экономический потенциал для заявленного предпочтения свободной торговле. Кроме того, в предыдущие годы Пекин предпринимал планомерные шаги по наращиванию своих инвестиций на африканском и латиноамериканском континентах. Для обеспечения в будущем поставок сырья для своей экономики, а также для укрепления взаимозависимости со странами этих регионов. Наряду с этим Китай выдвинул долгосрочную инициативу по реализации проекта «Один пояс и один путь», призванного сформировать новую модель международного сотрудничества и развития действующих региональных и двусторонних механизмов в евроазиатском пространстве, создать наземную и

морскую инфраструктуру коммуникаций от Южно-Китайского моря до Европы. Китай учредил Азиатский банк инфраструктурных инвестиций (АБИИ). В него вошли почти все страны региона (Япония проявила интерес, но по совету Вашингтона воздержалась), государства будущего «Одного пути», страны БРИК (в том числе Индия и Россия), многие государства ЕС. США, надеясь на более высокие конкурентные возможности планировавшегося Транстихоокеанского партнерства, проигнорировала АБИИ. В нынешних условиях этот банк может стать одной из финансовых инфраструктур укрепления лидирующего положения КНР в развитии азиатской интеграции. «Резервным фондом» и контраргументом на случай более жесткого нажима со стороны нынешней американской администрации остаются самые крупные в мире золотовалютные запасы Китая, которые превышают 3 трлн долларов и хранятся в американской валюте и государственных облигациях. С учетом весьма высокого долга Соединенных Штатов этот «аргумент» может оказать дополнительное сдерживающее влияние на Вашингтон. В нынешней ситуации для того, чтобы продемонстрировать приверженность свободной торговле, и неизменности планов своего мирного возвышения Китай может пойти на несколько больший учет интересов своих соседей и экономических партнеров в других регионах.

Глобализации будет необходимо приспособиться к новому соотношению сил между экономиками разных уровней развития, либеральных и нелиберальных (в том числе и авторитарных, но эффективных экономически, таких, например, как Китай, Вьетнам) политических режимов, к признанию религиозно-цивилизационных особенностей в мире. Глобальный ориентир национальных политик необходим для сохранения и развития выработанных на предыдущем этапе мирового порядка «глобальных общественных благ» - достигнутого человечеством более-менее устойчивого консенсуса относительно услуг, в которых нуждается большая часть мирового сообщества. Например, в коллективной работе по борьбе с новыми вирусами и пандемиями, в противостоянии терроризму, дальнейшему распространению оружия массового уничтожения, защите окружающей среды.

Не следует игнорировать и того факта, что, встречаясь с реальностью некоторые размашистые предвыборные заявления президента Трампа несколько теряют свою радикальность. Об этом свидетельствует, например, уже имевшее место «уточнение» позиций его администрации по НАТО, ЕС, отношениям с Россией, Японией. Не исключено, что в дальнейшем также будет учитываться и позиция законодательных и судебных ветвей власти

США. Но основополагающий принцип «Америка прежде всего!» в ближайшее время скорее всего останется неизменным.

На основе только приведенных выше соображений можно предположить, что в ближайшие годы речь может идти скорее о новой реформирующейся модели глобализации, а не о ее дезинтеграции. Опубликованный недавно доклад компании «Прайсуотерхаус Куперс» с прогнозом развития мирового экономического порядка до 2050 г. приходит к выводу, что глобализация, хотя и в измененном виде, вполне может пережить «трампизм».

Феномен популизма

Но глобализации противостоит и довольно мощное общественно-политическое движение, которое проголосовало за Брекзит, обеспечило победу Трампу, грозит серьезными политическими изменениями на предстоящих выборах в ряде европейских стран. Исследователи именуют этот феномен «популизмом». В самом общем виде это настроения и действия против экономических и политических элит, господствовавшей традиционной модели функционирования общества и ряда его институтов. Лидеры популистов изображают себя представителями забытых «простых» людей, «истинными» патриотами. Популизм бывает «левым» как, например, у сторонников сенатора Сандерса, или «правым», который обеспечил победу Трампу, Сиризы в Греции или Национального фронта во Франции. В последнее время на подъеме находится правый популизм. Надо оговориться, что это далеко не общемировое движение. Большинство стран Азии и Африки он не затронул. В Латинской Америке, переболевшей эпидемией левого популизма (самым ярким его проявлением была привлекательность модели режима Чавеза), в большинстве стран к власти возвращаются центристские партии. Да и в Европе, пережив разрушительные последствия левого поворота Сириза вынуждена следовать общепринятой традиционной модели ведения экономических и государственных дел.

Главной претензией ко всему процессу глобализации было утверждение о том, что существенная разница в стоимости рабочей силы в развитых и развивающихся странах неизбежно создавала конкурентные преимущества последним. Аутосорсинг производств из развитых в развивающиеся страны, которые производили более конкурентные товары, и наплыв более дешевых импортных товаров привели к закрытию собственных производств в ряде областей промышленности, и повышению уровня безработицы или стагнации благосостояния ранее занятых там людей. Именно эта проблема явилась питательной средой постепенного подъема правых популистских настроений в Соединенных Штатах. Действительно, с середины 70-х годов

прошлого столетия, почти одновременно с включением Америки в процесс глобализации в американском среднем классе происходят серьезные глубинные изменения. Одна ее часть (назовем ее «нижней») переживает стагнацию медианных (но не средних!) доходов. В результате аутсорсинга в развивающиеся страны ряда производств начинается закрытие предприятий в текстильной, обрабатывающей областях, например, автосборочных заводов в Детройте, Чикаго, депопуляция таких городов, повышение уровня безработицы, снижение доходов особенно среди более возрастного мужского населения без высшего образования. В настоящее время самая массовая профессия этой категории американской рабочей силы – это водители автомобилей различных категорий. Жестокий удар особенно по нижней части среднего класса нанес ипотечный кризис 2008 г., когда банки буквально навязывали «льготные» кредиты на приобретение домов и квартир, в основном для сдачи внаем или последующей более выгодной перепродажи. В результате банкротства ряда крупнейших банков и крушения ипотечной пирамиды заемщики потеряли домовладения на сумму более 1 трлн. долларов. В то же самое время СМИ постоянно сообщали о росте количества миллиардеров, проблемным банкам для спасения финансовой системы выделялись огромные дотации из государственных средств, т.е., за счет налогоплательщиков. Руководители многих банков получали «золотые парашюты». Именно на этот момент приходится массовое осознание нижней частью среднего класса, или «простыми американцами» растущего разрыва в доходах богатых и бедных, рост настроений против экономических и политических элит, против миграции, особенно незаконной, против глобализации в целом.

Но одновременно происходили существенные процессы и в «верхней» части среднего класса. Значительное число молодых людей с высшим образованием находили более высокооплачиваемую работу в корпорациях, занятых высокотехнологичным производством, массово открывали стартапы. Именно эту страту пополняли законные мигранты, покидавшие свои страны в процессе «утечки мозгов». Верхняя часть среднего класса легче расставалась с традиционными привычками и настроениями старшего поколения и принимала космополитическую культуру глобализации. Немалая часть молодежи поддержала социалистическую платформу сенатора Сандерса и не готова была принять центристскую стратегию Демократической партии даже под угрозой победы правого популизма. Именно это размежевание среднего класса отразилось на результатах американских выборов 2016 г. Этнографы предсказывают постепенное изменение в балансе частей среднего класса, по крайней мере, по двум причинам. Нижняя его часть останется неконкурентоспособной в

международном разделении труда при любой поддержке государства, а у верхней еще одно преимущество – молодость.

У правого популизма в Соединенных Штатах и в Европе, а также у разных европейских стран свои корни и свои национальные особенности. Как считают многие демографы, помимо экономических вызовов глобализации другой причиной его всплеска является современное «великое переселение» народов и реакция на него коренного населения. В большей части развитых стран в результате падения рождаемости и увеличения продолжительности жизни уже на протяжении многих лет ощущался дефицит рабочей силы и рост расходов на содержание пенсионеров. Ряд стран целенаправленно пошел на привлечение иностранной рабочей силы. Например, Австралия сняла ограничение на миграцию из азиатских стран, Германия пригласила значительное число «гастарбайтеров» из Турции, Канада ведет планомерную работу по привлечению в первую очередь молодых людей дефицитных в стране профессий, Великобритания приняла большое число эмигрантов из стран Британского содружества, а Франция из Алжира и бывших французских колоний. После вступления стран Восточной Европы в Европейский Союз началось масштабное переселение их граждан на запад континента. Соединенные Штаты на протяжении всей своей истории также стремились привлечь мигрантов из-за рубежа, в первую очередь из Европы.

Но у экономической миграции есть и другая сторона. Постепенно возрастал поток нелегальных мигрантов из развивающихся стран. Особенно остро нелегальная экономическая миграция ощущалась в последние годы в Соединенных Штатах. В настоящее время в стране находится около 11 млн. нелегальных иммигрантов из Мексики. Они преимущественно занимают самые низкооплачиваемые рабочие места. По знакомым понятиям их можно отнести к категории «мексиканских дворников». Американские рабочие, как правило, не стремятся конкурировать с ними за рабочие места. Например, почти всю ручную работу в сельском хозяйстве выполняют мексиканцы. Тем не менее, среди коренного населения, особенно менее обеспеченного, широко распространены настроения с также знакомым настроением: «Понаехали!».

В самые последние годы особенно актуальной стала особая ветвь миграционных потоков – передвижение мигрантов - беженцев. В 1951 г. была принята Конвенция ООН о статусе беженцев, которая провозгласила, что каждый житель планеты может рассчитывать на убежище от преследований или опасностей войны. Из этого универсально признанного принципа вытекало обязательство стран-членов ООН предоставлять убежище беженцам. В результате резкого обострения вооруженных конфликтов в Сирии и на севере Африки, в первую очередь в Ливии, в

последнее время в Европу хлынула многомиллионная волна беженцев. Европейские страны были вынуждены принимать их, поскольку этого требовало международное право и этические соображения - смертельные опасности бегства беженцев через Средиземное море. Усложнял ситуацию тот факт, что к этому потоку беженцев примкнуло значительное число незаконных экономических мигрантов. Обустройство беженцев требовало существенных финансовых затрат от стран ЕС. Более взрывоопасной проблема становилась в результате того, что большинство последней волны составляли мусульмане. Стали более наглядными культурно-цивилизационные различия, например, в отношении к женщинам. С последней волной в Европу под видом беженцев проникали и сторонники радикального ислама. Кроме того, экстремистская идеология ИГИЛ (запрещенной в России) привела к радикализации части второго поколения европейских граждан мусульманского происхождения. Последовавшие теракты во Франции, Бельгии, Германии в значительной степени способствовали дальнейшему росту правого популизма.

Но как заметили исследователи разновидностей популизма на предыдущих исторических этапах и более недавних его проявлений, он подобен пчеле, которая погибает после того, как ужалит центристский образ ведения экономических и политических дел, доминирующие мировые или национальные элиты. Судьба нынешнего правого популизма в большой степени зависит от того, насколько эффективную инновационную программу по преодолению его смогут предложить эти элиты.

Приведенные выше соображения исходят из умеренного или оптимистичного сценариев развития мирового взаимодействия. В частности, как было указано выше, есть серьезные основания для сохранения, хотя и в реформированном виде, мегатренда глобализации. Можно предположить, что в случае восстановления большей стабильности на родине беженцев, например, в Сирии и Ливии, успеха комплексной программы смягчения проблемы мигрантов, запущенной Европейским союзом, в Европе удастся снизить накал право-популистских настроений. Но отличительной характеристикой переходов от одного мирового порядка к другому является отсутствие стабильности и предсказуемости. Поэтому нельзя исключать и форс-мажорных сценариев - от нового драматического наплыва беженцев в Европу, прихода к власти правых популистов в одной из стран-членов ЕС, до начала следующего циклического кризиса мировой экономики.